

Б.Д. ПЯДЫШЕВ

ИЗДАНИЕ МГИМО ПО ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Во всем мире была достойна отпразднована 65-я годовщина Победы союзных держав, государств и народов антигитлеровской коалиции над фашизмом в тяжелейшей за всю историю человечества Второй мировой войне. В Москве на Красной площади 9 мая 2010 г. в праздничном параде плечом к плечу с нашими солдатами прошли воины из США, Англии, Франции, других союзных держав, которые вместе воевали и добились великой Победы. Военные парады, народные торжества состоялись 9 мая в Киеве, Минске, других столицах нынешних независимых государств, выступавших в те грозные годы под общим советским знаменем борьбы против гитлеризма, за свободу и независимость. В США, Англии, Франции и других государствах антигитлеровской коалиции чтут героев Второй мировой войны. За праздничными весельями и победными салютами не уходили у многих людей воспоминания и мысли, о том, как же это могло случиться, что агрессивные силы зла, начиная с осени 1939 г., обрушили огонь войны сначала на Польшу, затем на всю Европу и на весь мир? А 22 июня 1941 г. Гитлер вместе со своими фашистскими сателлитами вероломно напал на наше Отечество.

В 2009 г. в издательстве МГИМО (У) МИД России вышел специальный выпуск журнала “Вестник МГИМО – Университета” под названием “Завтра может быть поздно...”, посвященный 70-й годовщине начала Второй мировой войны. В нем ведущие российские и зарубежные историки анализируют истоки войны: политику “умиротворения” западных держав, особенности предвоенного кризиса 1939 г., внешнюю политику СССР. В сборник включено большое количество новых рассекреченных документов советской разведки из Архива Службы внешней разведки РФ за предвоенные годы, проливающих дополнительный свет на военно-дипломатические события тех лет и их восприятие советским руководством.

В обращении к читателям Президент РФ Д.А. Медведев высоко оценивает этот труд, на страницах которого читатель найдет много интересной информации и уникальных архивных материалов, пополняющих исторические знания. “Наша страна победила нацизм, вынесла основной груз утрат и потерь. И никто не может лишить нас гордости за подвиги наших отцов и дедов. Лишить нашей истории”, – подчеркивает Д.А. Медведев.

Важное место в этом фундаментальном издании занимает статья министра иностранных дел России С.В. Лаврова “История реальная и мнимая”. В ней подчеркивается: “Даже после того, как западные державы изолировали СССР, а Чехословакия в результате Мюнхенского сговора 1938 г. была ликвидирована как независимое государство, Москва не прекращала попыток договориться о совместном отпоре Германии”.

Советские предложения от 17 апреля 1939 г. о заключении договора о взаимопомощи, отмечает С.В. Лавров, проложили дорогу к трехсторонним советско-англо-французским переговорам летом того же года. Однако последняя возможность остановить

Пядышев Борис Дмитриевич – доктор исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный посол, Заслуженный работник дипломатической службы МИД РФ.

роковое сползание к мировой войне была упущена из-за взаимных подозрений, колебаний западных держав, нежелания Польши дать разрешение на проход советских войск через свою территорию.

Что оставалось Москве? В сложившейся ситуации советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 г., именуемый часто “пактом Молотова – Риббентропа”, стал для СССР вынужденной альтернативой союзу с Великобританией и Францией. Сталин был готов к такому союзу. Этого не хотели, однако, в Лондоне и Париже. В их планах был расчет направить германскую экспансию на Восток. Заключение пакта позволило Москве отсрочить нападение на нашу страну, отодвинуть на 300 км западную границу СССР. Так что союз с Берлином был для нашей страны мерой вынужденной, но исполненной здравого расчета. Что же касается повторяемых сегодня рассуждений о некоем “сговоре” Сталина с Гитлером, то это – от лукавого. Исторической реальностью является политика “умиротворения” Гитлера и ее позорная кульминация – мюнхенский сговор, который по существу развязал нацистам руки для агрессии на Востоке против Советского Союза.

Председатель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации С.М. Миронов аргументированно ставит вопросы, касающиеся предыстории Второй мировой войны. То и дело, отмечает автор, из Ближнего и Дальнего зарубежья слышны заявления: “Россия должна покаяться”; “Россия должна возместить”; “Россия должна признать”. В чем каяться, перед кем? В том, что СССР переломил хребет фашистской гидре? В том, что принес долгожданное освобождение от гитлеровских оккупантов народам Восточной Европы? Что должна признать Россия? То, что бандеровцы, оуновцы, прибалтийские легионеры, другие фашистские прихвостни теперь стали национальными героями? В том, что совсем недавно в Киеве президентом Украины (теперь уже бывшим) было присвоено звание Героя профашистскому деятелю Бандере?

Важные соображения высказаны С.Е. Нарышкиным, председателем комиссии при Президенте по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, руководителем Администрации Президента РФ: “Поле брани выбрана история. Вернее фальсифицированная история, когда результаты кропотливого и добросовестного труда историков перечеркиваются политическим заказом высших должностных лиц, и история превращается во враждебный инструмент политического давления”. Это касается Украины (минувшего периода), Грузии, Литвы, Латвии, Эстонии и Польши. Хотя есть и другие страны, где фальсификация и политизация истории в ущерб России также обрели статус государственной политики”.

“Предвоенные уроки нашему времени” – под таким заголовком аргументированную и полемически острую статью публикует ректор МГИМО академик А.В. Торкунов. Говоря о политике западных демократий в те годы, автор замечает, что вместо коллективного отпора агрессору, они действовали по принципу “спасайся кто может!”, давая возможность Гитлеру и Муссолини вплоть до сентября 1939 г. добиваться своих целей без единого выстрела. Это был один из самых мрачных и постыдных примеров из истории XX в. – трагедия без героев, в которой даже жертвы агрессии чаще всего становились ее пособниками. Советская политика была частью этой общей картины и не может рассматриваться вне данного контекста. Разница состояла лишь в том, что вплоть до весны 1939 г. советская дипломатия была активнее и последовательнее французской и английской в стремлении наладить коллективное противодействие агрессору.

В рассматриваемом издании привлекает внимание статья профессора, заведующего кафедрой международных отношений и внешней политики России МГИМО М.М. Наринского “Международно-политический кризис кануна Второй мировой войны”. Автор реконструирует развитие международно-политического кризиса в Европе в 1938–1939 гг., завершившегося мировым конфликтом. На этот достаточно короткий период времени пришлось ключевые события, начиная с кризиса вокруг Чехословакии, маневры польского правительства, провал переговоров между СССР, Великобританией

и Францией о создании механизма противодействия агрессивным планам нацистской Германии.

Москва искала пути к сотрудничеству по противодействию агрессивным планам Берлина. Однако ни Лондон, ни Париж не были готовы взять на себя жесткие обязательства в военной сфере. В результате англо-франко-советские переговоры закончились неудачей. Берлин, напротив, сумел найти выход из ситуации, форсировал развитие отношений с Москвой вплоть до заключения договора о ненападении, который был дополнен секретным протоколом. “Это был тактический успех для Москвы, обернувшийся стратегическим поражением”, – заключает автор. Но не слишком ли жесткий вывод насчет стратегического поражения?

Напряженность нарастала по всем линиям. От обязанности наркома был освобожден М.М. Литвинов, НКВД возглавил В.М. Молотов. Смену на Кузнецком мосту, где размещалось здание Наркоминдела, в зарубежных кругах восприняли как признак отхода советского руководства от политики коллективной безопасности, как курс на лавирование между противостоящими группировками на международной арене, стремление к наиболее выгодным условиям соглашения.

В Европе росла напряженность. Молотов в письме советским полпредам в Лондоне и Париже 17 июля 1939 г. не сдерживал своего возмущения: “Только жулики и мошенники, какими и ведут себя все это время господа переговорщики англо-французской стороны, могут теперь делать вид, прикидываясь, что будто бы наше требование одновременности заключения политического и военного соглашения является чем-то новым в переговорах... Видимо, толку из всех этих переговоров не будет и придется их послать к черту. Тогда пусть пеняют на себя”.

Москва настойчиво добивалась обязывающего военно-политического соглашения с определенными преимуществами для себя в Восточной Европе. На этом фоне обозначился поворот к советско-германскому сближению. События развивались быстро. 21 августа 1939 г. Гитлер направил письмо Сталину. Берлин принял советский проект пакта о ненападении. 23 августа в Москву прибыл министр иностранных дел И. фон Риббентроп и в тот же день состоялись его переговоры со Сталиным и Молотовым. Обсуждался вопрос о разграничении сфер влияния двух государств. Той же ночью министры иностранных дел двух держав подписали договор о ненападении между Германией и Советским Союзом, а также секретный дополнительный протокол. В сферы интересов Советского Союза включались восточная часть Польши, Финляндия, Эстония, Латвия, Бессарабия, а в сентябре 1939 г. к ним добавилась Литва в обмен на некоторые районы Польши.

В Москве и Берлине были основания к удовлетворению достигнутым. По существу советско-германский пакт был направлен на военно-политическое переустройство Европы, на раздел сфер влияния в восточной части Европы. По словам Молотова, соглашение “обеспечило Германии спокойную уверенность на Востоке”, “Германия получила надежный тыл, что имело большое значение для развития военных событий на Западе”.

Не все так просто было в вопросе о значении советско-германского пакта для СССР, длительные дискуссии продолжаются и по сей день. М.М. Наринский замечает: “Весь курс на сотрудничество с Берлином стал стратегическим просчетом И.В. Сталина. Он позволил А. Гитлеру разгромить Польшу и выйти на общую границу с Советским Союзом. В последующем Германия получила возможность нанести поражение Франции, что лишало СССР потенциального союзника в Европе. Тактический выигрыш Сталина обернулся стратегическим проигрышем к июню 1941 г.”.

Можно с пониманием отнестись к этому выводу авторитетного исследователя. Выгоды для Гитлера от заключения пакта очевидны. Но, тем не менее, пакт дал Москве пару лет для подготовки к нападению Гитлера. Более ранняя атака Германии неизбежно была бы более губительной для нашей страны. Так или иначе последовали годы невероятного напряжения, прежде чем в мае 1945 г. в Берлине над рейхстагом был установлен советский флаг победы.

Директор Института всеобщей истории РАН академик А.О. Чубарьян рассмотрел глобальные последствия подписания 23 августа 1939 г. “пакта Молотова–Риббентропа”. Его заключение вызвало ряд существенных изменений в принципах построения советской внешней политики. Перед Сталиным встала задача объяснить своему народу и представителям коммунистического движения причину такого резкого поворота в сторону соглашения с фашистской Германией. Ситуация стала еще более сложной через несколько дней, когда Великобритания и Франция объявили войну Германии, напавшей на Польшу. Именно поэтому, начиная с осени 1939 г., наблюдается резкое изменение в действиях лидеров международного коммунистического движения, что дискредитировало Коминтерн в глазах мировой общественности и коммунистического движения и в значительной степени способствовало прекращению его существования в 1943 г. Существенный идеологический поворот произошел и внутри Советского Союза. Органами цензуры пресекалась любая критика германского руководства. Однако с весны 1940 г. в советско-германских отношениях начали сказываться первые признаки напряженности, что говорило о постепенном отходе советского руководства от прежней линии на дружбу с Германией.

А.О. Чубарьян отмечает, что прежняя эйфория в Кремле явно отходила на второй план. Уже не было восхвалений фашистской идеологии и тем более гитлеризма. Участились случаи, когда обобщенная безымянная критика империализма могла подразумевать и Великобританию и Германию. Более того, предали огласке слова Сталина, адресованные советскому генералу Петрову в марте 1940 г.: “Учтите: договор с Германией, хотя мы и подписали, но фашистская Германия была и остается нашим злейшим врагом”. А в беседе с известной польской писательницей Вандой Василевской, посетившей весной 1940 г. Москву, Сталин сказал, что война с немцами начнется “рано или поздно”.

Такого рода заявлений, намеков или полунамеков становилось летом 1940 г. все больше. Ясно, что советские деятели разных рангов (писатели, ученые, ответственные работники наркоматов, руководители прессы) могли это делать лишь при одном условии – они знали о настроении в Кремле. И хотя не было никаких специальных постановлений по этому поводу, но разными способами и В.М. Молотов, и А.А. Жданов, и сам Сталин выражали растущее недовольство Москвы поведением германских лидеров, которые по всем линиям демонстрировали явное нежелание развивать экономические связи и в нарушение пакта осуществляли односторонние (без консультаций с Москвой) действия в разных регионах мира. Беспокойство значительно возросло после молниеносного разгрома Франции в июне 1940 г., когда рухнули надежды Сталина на длительный конфликт Германии с ее противниками в Европе.

А.О. Чубарьян в статье подчеркивает, что появлялось все больше признаков отрезвления советских лидеров, их постепенный, хотя и весьма ограниченный и осторожный, отход от прежней линии на дружбу с Германией, на оправдание фашизма и его идеологии, на отказ от любой критики фашизма. Но все это было в значительной степени скрыто от общественности. Конечно, сведения об этих переменах доходили до германского руководства. Но оно, как правило, не реагировало на поступающую информацию, видимо потому, что в Берлине уже было принято решение о нападении на Советский Союз.

Тем не менее, для советских людей по-прежнему публиковались оптимистические статьи в прессе, шли радиопередачи о высоком уровне политических и экономических связей с Германией. Во всяком случае, после победных отчетов и докладов о росте силы и могущества Советского Союза не могло возникнуть больших сомнений в правильности и успехах советского внешнеполитического курса на развитие сотрудничества и дружбы с нацистской Германией.

Статья советника ректора МГИМО А.В. Мальгина посвящена, может быть, самому острому периоду советской внешней политики: с мая 1939 г. по июнь 1941 г. Автор указывает, что советская внешняя политика в этот период была подчинена двудеиной логике – страна готовилась к войне и вместе с тем старалась оттянуть во времени

непосредственное вовлечение в конфликт. В отличие от Великобритании и Франции, обладавших значительным военным перевесом в 30-х годах и, тем не менее, “умиротворявших” Гитлера сдачей рейнской зоной, Австрии и Чехословакии, СССР пошел на укрепление своих отношений с Германией, находясь в ситуации гораздо более высокой военной угрозы для собственной безопасности, в период лучшей и более полной подготовленности Германии к войне.

У Москвы выбор потенциальных союзников оставался не велик: Великобритания и США с неопределенностью их тогдашней политики или дальнейшая интрига со странами “оси”. С одной стороны продолжалось сотрудничество с Германией и даже обсуждались выгодные параметры присоединения СССР к Тройственному пакту. С другой стороны, Сталин начал восстанавливать отношения с Великобританией и стал присматриваться к США.

Надо сказать, что НКВД при В.М. Молотове и поворот в сторону налаживания контактов с Берлином не оставлял Коминтерну самостоятельного места в советской внешней политике. ИККИ в 1936–1939 гг. оказался фактически парализован. В то же время в партийно-государственной системе СССР отсутствовала структура, функционально напоминающая Международный отдел ЦК КПСС хрущевско-брежневского периода, и у Молотова на внешнеполитическом фронте не было конкурентов. Автор констатирует, что НКВД с приходом Молотова и далее под его руководством превращался во внешнеполитическое ведомство того вида, который в значительной степени был для него характерен на протяжении последующих 50 лет. Из сравнительно небольшого учреждения, костяк которого составляли яркие личности, зачастую знакомые друг с другом с дореволюционных времен, он становился большой государственной машиной.

В Берлине восприняли смещение М.М. Литвинова как сигнал к началу целенаправленных контактов с СССР. В ночь на 23–24 августа 1939 г. был подписан договор о ненападении между СССР и Германией, его логической неотъемлемой частью стал секретный дополнительный протокол о границе сфер интересов двух держав.

Стоит привести следующую любопытную констатацию из статьи А.В. Мальгина. Начало Второй мировой войны в архивных документах МИД за 1 сентября 1939 г. отражено по-своему уникально – в рабочей записке В.Н. Павлова, помощника наркома. Записка не имеет ни официального адреса, ни исходящего номера и т.п., помощник сообщает:

“В.М.” (т.е. для В.М.Молотова): В 11 часов 1 сентября явился фельдъегерь и передал для Вас несколько сообщений.

1. “Фельдъегерь сообщил, что ввиду отклонения Польшей предложения Гитлера о мирном урегулировании всех вопросов при посредничестве Англии, Гитлер издал 1 сентября приказ войскам. Перевод приказа прилагается.

2. Сегодня Гитлер принял Данциг в состав Германской империи”.

И по нижнему обрезу бумаги Павлов пишет: “В 13.00 1 сентября фельдъегерь сообщил, что сегодня в 5.45 начались военные действия между Польшей и Германией”. Вот так в НКВД узнали о начале Второй мировой войны.

Весьма интересны суждения известного ученого, заведующего кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МГИМО профессора В.О. Печатнова, высказанные в интервью радиостанции “Эхо Москвы”.

Отвечая на вопрос, почему И.В.Сталин допустил просчет 22 июня 1941 г., когда гитлеровская агрессия застала нас врасплох, Печатнов рассуждает следующим образом. Сталин и так уже много получил от Гитлера в 1939 г. Аппетиты Сталина разгорелись, и он надеялся, что с помощью Гитлера ему удастся и дальше продвинуть границы советской зоны влияния. Инструкции В.М. Молотову в ноябре 1940 г. в связи с визитом последнего в Берлин прямо об этом говорят – это были условия присоединения Советского Союза к антикоминтерновскому пакту. Звучит парадоксально, но, тем не менее, это было так. Так что надежды на будущую сделку Сталина не покидали. И он был уверен, что от Гитлера можно получить гораздо больше, чем от западных демократий. В этом был его просчет. Он, как ни странно, недооценил коварство и вероломство Гит-

лера. Сталин не верил в дерзость и авантюризм Гитлера в такой степени. К тому же, он не просчитал возможность ведения войны Гитлера на два фронта, что в общем-то шло вразрез с традицией германского генштаба и вообще со здравым смыслом. Он считал, что Гитлер не решится ввязаться в еще большую войну на Восточном фронте, имея уже войну с Великобританией и в перспективе с Соединенными Штатами. Сталин был в этом смысле прав, потому что в конечном счете война на два фронта погубила “третий рейх”. Но он недооценил авантюризм и стратегическую дерзость Гитлера.

По мнению Печатнова, в тот момент у Сталина было больше доверия к Гитлеру, чем к западным союзникам. Он видел в нем делового человека, с которым можно иметь дело, который не зависит от общественного мнения, от каких-то парламентов, и т.д. Если с ним договориться, то все остальное будет в порядке. Возникает вопрос: чего же собственно Сталин хотел после войны? По мнению Печатнова, главным мотивом Сталина было удержать геополитические трофеи. Ему нужно было конвертировать те огромные жертвы, принесенные советским народом, армией, в пространство стран-саттелитов, зону безопасности, глубину обороны, которая была его навязчивой идеей – чем больше будет буферный слой, особенно на Западе, традиционном коридоре вторжения в Россию, тем в большей безопасности будет страна. “Я думаю, что в голове у Сталина была картина границ старой царской России”, – отмечает Печатнов.

Любопытны и его соображения о том, что логика дальнейших действий Сталина была такова, что он мог бы, особенно после Сталинграда, когда уже наметился коренной перелом, руководствуясь чисто экспансионистскими идеями экспорта революции, захвата Европы и т.д., пойти на еще большие жертвы своего народа с тем, чтобы дальше продвинуться на Запад. Дать союзникам, скажем, увязнуть на Балканах. А пользуясь затягиванием с открытием второго фронта, продвинуться дальше, взять Париж. “Сталин очень хотел взять Париж. Он говорил, что Александр I там был, а мы до Парижа не дошли”.

“Начало Второй мировой войны как повод к фальсификации истории” – такова тема статьи А.А. Орлова, директора Института международных исследований МГИМО. Автор пишет: “Против России сегодня, образно говоря, открыт третий фронт. Полем битвы стала история. И проиграть эту битву мы не имеем права ни при каких обстоятельствах. Если позволить сегодня сфальсифицировать, переписать историю, то СССР рискует повторить печальную судьбу Карфагена, который остался в памяти человечества таким, каким его хотели видеть враги”.

Смысл новой атаки на СССР, который прекратил свое существование без малого два десятилетия назад, по мнению автора, прост и очевиден: закрепить в массовом сознании крайне негативный мрачный образ этого государства, как некоего аналога нацистской Германии во всем – и в том, что касается внутренней, и в том, что касается внешней политики.

А.А. Орлов замечает, что попытки выставить Советский Союз в качестве соучастника гитлеровской Германии в деле развязывания Второй мировой войны не отличаются особой оригинальностью. С подобными откровениями западные исследователи носились довольно долго, хотя никто не воспринимал этих маргинальных историков всерьез. Новую жизнь все эти идеи получили с распадом Советского Союза, когда к хору голосов, доносившихся из андеграунда западного экспертного сообщества, присоединились антироссийски настроенные ученые, политики, общественные деятели из ряда стран Восточной Европы, Прибалтики, а затем и Украины. Правда, надеемся, что в связи с происходящими позитивными тенденциями на Украине, разумные настроения возьмут верх.

Борьба за историческую правду – это часть современной информационно-пропагандистской войны, в которую в наши дни пытаются втянуть Россию. Не следует забывать, замечает автор, как ловко действовали в 2008 г. западные специалисты в сфере информационных технологий. В ходе грузинской агрессии против Южной Осетии было приложено много усилий, чтобы выставить Россию в качестве агрессор-

ра, а преступный тбилисский режим представить в виде потерпевшей стороны, противостоящей жестокому северному агрессору. Орлов разумно замечает, что речь не идет о том, чтобы войти в порочный круг взаимных обвинений. Но и отсиживаться в окопах тоже не резон: убедительные, выверенные материалы по истории минувшего десятилетия будут лишать опоры любителей погреть руки на фальсификации истории.

Привлекает внимание досье разведывательного сообщества США. Основное внимание американцев, видимо, было отвлечено на надвигающуюся военную катастрофу на Тихом океане. Это обстоятельство, впрочем, не помогло “проморгать” фатальный разгром американских вооруженных сил в Перл Харборе, застигнутых врасплох мощным японским ударом. Но, разумеется, американские стратеги следили за развитием событий в Европе весьма пристально, делали свои заключения относительно того, как будут складываться события на советско-германском фронте. В неотвратимости нападения Германии, судя по всему, в Вашингтоне не сомневались. Но прогнозы относительно того, как будут развиваться стратегические действия Берлина, делались в принципе правильные.

Красноречива выдержка из документа Управления военной разведки генерального штаба США. Донесение военного атташе в СССР.

“Предмет: военная география.

...С точки зрения географии, климата, сети железных дорог, дорог, а также принимая во внимание опыт похода на Москву Наполеона, Первой мировой войны до недавних событий, вторжение в европейскую часть России может быть осуществлено по следующим маршрутам:

Северному – от Мурманска на Москву...

Южному – через Кавказ...

Западному.

На западном направлении существует две основных линии вторжения:

1. от Варшавы на Минск – на узком фронте; и 2. от Кракова на Киев – на широком фронте. Третий путь от Будапешта на Киев или Одессу, во многом зависит от погодных условий; возможность захвата в этом случае Киева также под сомнением. На этом пути лежат такие крупные реки как Прут, Днестр, Буг и Днепр. Первые три из них могут быть легко преодолены в течение июля – августа.

Преимущество линии Варшава – Минск состоит в том, что здесь находятся железные дороги, шоссе. Прорыв к Минску откроет механизированным частям свободный путь к Москве по хорошим дорогам. Недостаток этой линии в том, что Припятские болота на юге, и болота на севере сокращают фронт прорыва всего до 120 миль в ширину. Однако этот путь с успехом был использован Наполеоном в 1812 г. и германскими войсками в 1914 г.

Линия направления на Киев представляется наиболее важной. Киев является ключевым пунктом всего наступления против СССР. Ширина фронта здесь достигает 300 миль, и местность не изобилует какими-то серьезными естественными препятствиями. Захват Киева даст возможность совершить дальнейшее продвижение на северо-восток, восток и юго-восток. Качество дорог удовлетворительное.

В дополнение к указанным маршрутам можно также отметить возможность продвижения войск от Кенигсберга на Ригу, а также высадку десантных частей в самом Рижском заливе.

Использование всех этих маршрутов эффективной армией, с направлением главного удара на Киев, может поставить Красную Армию на колени за очень непродолжительное время (при условии, что удар будет произведен уже в этом году).

Подготовлено: Джозеф А. Митчел, майор, помощник военного атташе.

Передано: Иван Д.Итон, майор, военный атташе”.

В день нападения Германии на Советский Союз (в Вашингтоне это было 21 июня 1941 г.) госдепартамент сформулировал меморандум о политике в отношении СССР. Соображения носили достаточно взвешенный и разумный характер:

“Наша политика в отношении Советского Союза, по крайней мере на первой стадии конфликта, должна быть следующей:

1. Мы не должны давать СССР никаких советов, если только СССР сам не обратиться к нам за ними...

3. Если советское правительство прямо обратиться к нам за помощью, мы должны настолько это возможно без ущерба для нашей помощи Великобритании, странам – жертвам агрессии и без серьезного ущерба для наших собственных усилий и подготовки, ослабить ограничения на экспорт в Советский Союз, разрешив ему получать даже военные материалы, в которых СССР остро нуждается и которые мы можем себе позволить поставить СССР.

4. Экономическая помощь, которую мы можем предоставить Советскому Союзу в виде материалов, должна оказываться нами не в сотрудничестве с любой третьей державой.

5. Мы должны твердо придерживаться следующего политического курса: тот факт, что Советский Союз сражается с Германией, не означает, что он защищает или согласен с принципами международных отношений, которых придерживаемся мы.

6. Мы не должны заранее давать никаких обещаний Советскому Союзу в отношении помощи, которую мы сможем оказать в случае германо-советского конфликта и не будем принимать на себя никаких обязательств в отношении нашей будущей политики к России”.

Конечно, желательно более широко раскрыть архивные “разведзакрома” – там еще много интересного и важного для понимания и правильной оценки событий прошлого.

* * *

Свыше 65 лет человечество живет без мирового военного конфликта. Тем не менее множество войн чередой прошло за этот исторический период. Не раз человечество придвигалось к грани ядерного столкновения. Кубинский кризис 1962 г. – постоянное напоминание об этом.

Нужно помнить и знать, как приходят большие военные беды. Как та самая роковая искра, упав на почву, подготовленную предшествовавшими военно-политическими кризисами, сначала возможно локальными, эскалирует в масштабах вплоть до всемирной катастрофы. На этот счет опыт Второй мировой войны более чем поучителен.

В целом обстоятельное исследование “Завтра может быть уже поздно...” еще раз подтверждает репутацию МГИМО как одного из ведущих мировых научных и аналитических центров в сфере политики и международных отношений.

МГИМО продолжает серию научных и документальных публикаций по истории Великой Отечественной войны. В 2010 г. под общей редакцией главы Администрации Президента РФ С.Е. Нарышкина и академика РАН А.В. Торкунова вышло в свет шеститомное издание “65 лет Великой Победы”. Научные статьи отечественных и зарубежных историков сочетаются в нем с публикацией новых документов из российских архивов, относящихся к различным этапам войны. Но это уникальное издание заслуживает отдельного рассмотрения.